

Постиндустриальные вызовы и стратегические задачи России в гуманитарном контексте

Современный лексикон, как научный, так и массмедийный, время от времени пополняется новыми терминами. Помимо американизмов, получивших широкое распространение по объективным причинам, возникают концепты, представляющие собой новые смысловые интерпретации, казалось бы, устоявшихся в русском языке и привычных понятий. К таковым относится понятие «вызов», употребляемое в таких содержательных контекстах, как «вызовы эпохи», «вызовы современности», «постиндустриальные вызовы» и т. п. В культурологическом дискурсе понятие «вызов» встречается в следующих интерпретациях:

- вызовы как культурно-исторические и социально-психологические факторы;
- вызовы как резкие изменения условий жизни общества, как ряд проблем, с которыми сталкивается общество в процессе жизнедеятельности [31];
- вызовы как кризисные явления в современной культурной и общественной жизни [12], как крайние проявления сложившейся ситуации или как события, «шокирующие» культуру [28, с. 47].

Таким образом, к вызовам могут быть отнесены структурные, системные социокультурные проблемы, с одной стороны, и ситуативные социокультурные факторы – с другой.

По историческим меркам относительно недавно в качестве близкого аналога сегодняшним «вызовам» использовались альтернативные понятия: в общефилософском смысле – «глобальные проблемы человечества», «стрессы глобализации», в управленческой трактовке – «опасности», «угрозы», «противоречия», «долгосрочные риски», «системные кризисы», «структурные факторы», «системные конфликты», «ограничения развития». Качественная сдвигка состоит в том, что в настоящее время вызовы интерпретируются, в том числе, как притязания, претензии и в этом смысле как стимулы и катализаторы социокультурного развития. Это подтверждает слова А.Дж. Тойнби, отмечавшего, что «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. <...> Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [31].

Приведенные выше понятийные аналогии указывают на то, что стоящие перед человечеством вызовы разнообразны: от экологических проблем и технологических издержек до демографии и терроризма, они охватывают и среду обитания, и социум. Вместе с тем общность вызовов состоит в том, что все они без исключения представляют собой феномены общепланетарного характера и, следовательно, предполагают адекватный (глобальный) ответ. В качестве инструмента обеспечения такого ответа следует рассматривать ресурсы геоэкономики, геополитики и геокультуры. При этом важным (если не центральным) моментом является то, что ответ на глобальный вызов представляет собой решение стратегического характера. В этом смысле ответ на вызов направлен в будущее и требует учета разного рода последствий. В гуманитарном контексте эффективный ответ на вызов следует рассматривать как социокультурный прорыв.

В рамках настоящей статьи автор ставит перед собой следующие логически взаимосвязанные задачи:

- дать обзор и произвести укрупненную группировку постиндустриальных вызовов с социокультурных позиций;
- выявить и обозначить комплекс вызовов, ответ на которые может быть предложен с использованием инструментария геокультуры, в том числе, очертить группу вызовов, связанных с решением стратегических задач России в гуманитарном контексте;
- показать, что ответы на постиндустриальные вызовы являются стратегическими управленческими решениями, опирающимися на культурные основания.

Многообразие постиндустриальных вызовов: социокультурный ракурс

Обзор и экспертная оценка работ, посвященных содержательному анализу постиндустриальных вызовов, позволяет вычленить три ключевых типа последних:

- «естественно-средовые» вызовы, связанные с физическим пространством человеческого обитания¹;
- «искусственно-редовые» вызовы, основанные на (или являющиеся следствием) включенности человека в социум, его внутриобщественном присутствии;

¹ Подробный анализ вызовов, связанных с природными и географическими факторами, дан Арнольдом Тойнби в работе «Постижение истории» при разработке концепции «вызов – ответ» в рамках исследования генезиса цивилизаций.

- антропологические вызовы, ориентированные непосредственно на индивида.

Последние два типа вызовов связаны с культурным пространством человека, его духовной средой.

Приведенная типология постиндустриальных вызовов может служить типологическим основанием для разработки постиндустриальных социокультурных стратегий. При этом следует учитывать возможность альтернативных типологий, например, подразделение вызовов на внешние (глобальные) и внутренние (геокультурные, внутриидентичностные), возникающие в рамках той или иной социокультурной системы [12].

К «естественно-средовым» вызовам, в том числе, относятся:

- необходимость преодоления, с одной стороны, противоречий, сложившихся в рамках индустриального хозяйства, а с другой – ограничений, связанных со становлением и социодинамикой постиндустриальной хозяйственной системы; складывание экономики знаний и развитие информационного общества; поиск баланса в разрешении экологических проблем и обеспечении экономической целесообразности [23];
- корреляция между экологической нагрузкой и темпами роста, необходимость ослабления давления на окружающую среду и уменьшения наносимого ей ущерба; совершенствование системы охраны природы [20];
- запрос на согласованное развитие социума и окружающей природы и, как следствие, становление концепции коэволюции [28, с.148]; требование, в соответствии с которым все субъекты объединяющегося глобального мира обязаны разделять экологические ценности, осознавать их природу, иметь представление о взаимосвязи ценностных и юридических оснований, а также управленческих последствий деятельности [4];
- насущная потребность в создании комфортной, дружественной по отношению к человеку среды обитания, практическим воплощением которой может стать реализация концепции «жизнеспособного города» [11].

О К «искусственно-средовым» вызовам относятся:

- новый характер социальных тенденций, в том числе формирование представлений о «постчеловеческом» будущем; социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества; новые особенности современной государственности; этические аспекты современного общественного устройства; качественные изменения в представлении о социальных инфраструктурах; распространение конкурентоспособных корпоративных и сетевых структур [23];

- демографические вызовы: поколенческая проблема, возрастные противоречия и социальный контракт в контексте нового государства постиндустриального типа – «государства всеобщего благоденствия» [1]; выявление и обеспечение важнейших социокультурных условий сбережения и возрождения народов, в том числе создание перспективных стратегических форм занятости [18];
- вызовы, связанные с динамикой социосистем, в частности разрушение социальных связей и атомизация общества [12]; социальный сепаратизм, протест против идеи подчиненности мира идеям разума, пессимизм и неудовлетворенность общепринятыми моделями реальности [15]; необходимость достижения общественного согласия по ключевым вопросам развития; разрешение конфликтов и обеспечение баланса социокультурных интересов и согласованности целей; формирование в социуме коалиций поддержки эффективных стратегий будущего [17];
- вызовы, лежащие в сфере социогуманитарного управления: кризис управления как следствие мировоззренческого кризиса; недостаточный и неотрефлексированный опыт эффективного управления социокультурными изменениями; влияние глобализации на традиционные схемы управления отдельными государствами [6]; глобальное управление культурным производством и потреблением [5], мониторинг социального восприятия текущей социокультурной действительности [10]; качественное изменение содержания социальной политики, ротация моделей управления обществом (переход к социокультурным, гуманитарным схемам) как средство позитивного изменения самого общества [3]; решение социальных проблем через развитие человеческого потенциала и формирование кадрового резерва как ответ на внедрение в молодежную среду «крайних» радикальных идеологий и приход молодежи в реакционные движения;
- вызовы, проистекающие из технологической сферы: социокультурные последствия функционирования современных общественных информационных систем [8], распространения электронной коммерции и услуг, становления электронного правительства в ряде стран [2], манипуляции общественным сознанием с использованием новых технологических (в том числе, гуманитарно-технологических) средств, популизма, мифологизации, необходимости продуцирования и освоения новых гуманитарных технологий.

О К антропологическим вызовам относятся:

- постановка вопроса об исследовании характера и трендов культурного развития в условиях глобализации в долгосрочной перспективе (в XXI веке) [9]; вызов,

связанный с морально-этическим аспектом глобализации: запрос на формирование положительного образа глобального капитализма [7]; необходимость объективной оценки негативных сторон глобализации: опасности глобальных конфликтов, межкультурных противоречий, цивилизационного раскола, активной геокультурной тектоники, принудительной интеграции; инвентаризация представлений о ценностях демократии и гражданского общества в меняющемся мире; судьбы индивидуализированного общества; интерпретация современного постмодернизма как конца социального [23];

- неясность повестки дня, идеологии, образа будущего, миссии (стратегической цели) и стратегических направлений социокультурного развития на всех уровнях социальной системы (индивид, идентичность, геокультура, цивилизация) и во всех типах пространств (локальное, региональное, национальное государство, мир). Как следствие – необходимость соотнесения стратегии в культурном (устойчивом) и социальном (динамическом) пространствах.

Важный, с точки зрения темы настоящего исследования, вызов носит смешанный – искусственно-средовой и антропологический – характер. Его сущность состоит в том, что для обеспечения адекватного ответа на постиндустриальные вызовы в отечественных условиях требуется выдвижение элит нового типа – личностей с инновационным и стратегическим типом мышления. Вместе с тем, реальный социум не способен к выдвижению таких элит по причине отчужденности населения от власти, несформированности гражданского общества, трудностей, возникающих в процессе становления местного самоуправления и реализации иных форм общественного контроля.

Широкий спектр перечисленных вызовов и проблем отражает сложную и динамичную картину современного мира. В целом характер современных вызовов требует расширения рамок традиционных представлений о сущности общественных процессов, воссоздания и развития в новых условиях социокультурного мышления как адекватного инструмента регулирования гуманитарных процессов, протекающих на разных уровнях и в разных сферах жизнедеятельности общества и приводящих к широкомасштабным социальным и культурным последствиям [25, с. 104–119].

Вызовы, нивелируемые средствами геокультуры

К данной группе вызовов относятся вызовы, связанные с такими видами глобальных проблем, как сохранение идентичности, задание антропологического идеала, развитие человеческого капитала, развитие территорий, повышение качества жизни, формирование представлений о новом институционализме, профессионализме,

деятельности и мышлении. Все перечисленные вызовы прямо или косвенно связаны с проблематикой геокультуры.

Отличительная особенность геокультур как социокультурных феноменов состоит в том, что, с одной стороны, динамика их развития порождает вызовы гуманитарного характера, а с другой – сами геокультуры обладают средствами разрешения постиндустриальных вызовов. Данную специфику, заключающуюся в дуальности геокультур, эксперты иллюстрируют на следующем примере. Фактором, задающим вызов, является, в частности, восхождение геокультур (новых мощных глобальных конкурентов) и, как следствие, – столкновение идентичностей, являющееся реальностью «глобализирующегося мира, в котором давление геокультуры как со стороны Севера, так и со стороны Юга порождает колоссальное обоюдное недоверие» [16]. Средством разрешения данного вызова, или ответом на него, является «геокультурная кооперация в глобальном масштабе», основанная на «формировании новых рамочных идентичностей геокультурной солидарности, в первую очередь между странами и народами Севера и Юга» [16].

В рамках геокультурной проблематики особое значение приобретает вызов, основанный на противоречии процесса глобализации и новой регионализации. Сущность данного вызова состоит в следующем. С одной стороны, позитивная тенденция выражается в усилении благоприятного регионального контекста, формировании продуктивного социокультурного поля и пространства мобилизации гуманитарных ресурсов для решения социокультурных проблем, с другой – негативные тенденции связаны с аспектами толерантности, национальной и конфессиональной проблематики.

В дискурсе позднего евразийства геокультурный вызов состоит в том, что геокультуры как глобальные культуры предлагают различные модели будущего мироустройства, мирового порядка. Вследствие этого обостряются культурные противоречия, связанные с несопоставимостью традиционных мироустройств и новых цивилизационных парадигм; с различием ценностей и истин, лежащих в их основе; с взаимным принудительным экспортом и навязыванием смыслов, диссонирующих с привычными представлениями и ориентирами [21].

В междисциплинарном контексте, задаваемом смежными сферами геокультуры и геоэкономики, актуальный вызов состоит в необходимости построения экономики инновационного типа на базе кооперации различных геокультур и на социокультурных основаниях.

Особый интерес представляют те постиндустриальные вызовы, имеющие отношение к проблематике геокультуры, которые находят яркое проявление в

отечественной практике. К подобным вызовам эксперты относят резкое и активное перекрашивание идентичностей внутри России, связанное с проникновением и наступлением чужой культуры и идентичности и потенциально угрожающее распадом страны. Адекватным ответом на подобный вызов представляется обеспечение разнонаправленных векторов развития и социокультурной экспансии путем переноса, движения, транзита значений и смыслов по «великим коридорам», проектируемым внутри Российской этнокультурной плиты, а также движение российских смыслов в направлениях разных геокультур вне России, т. е. геокультурное наступление и «растаскивание» стратегической позиции в трех ключевых направлениях: Запад, Юг, Восток [30].

Специфический российский вызов находит выражение в кризисе, исчерпанности традиционной государственной политики «выравнивания уровня развития» регионов и «сокращения различий», основанной на целях и принципах предыдущего этапа развития. Стратегический вызов «новой регионализации» в гуманитарном дискурсе заключается в появлении новых регионов как культурных и социальных образований, выстраиваемых под влиянием глобализации, становления постиндустриальной экономики, роста значения крупнейших городов и т. д. [26].

Один из характерных для России вызовов связан с противоречием в интерпретации идеи развития в индустриальной и постиндустриальной парадигме [22]. Концептуальная проблема, характерная, в первую очередь, для отечественной практики, состоит в том, что существующая традиционная система административного управления и сознания несоразмерна и несомасштабна ни историческому, ни современному представлению о категории развития вообще и о регионалистике, в частности. В этой связи происходит деструктивное столкновение между прикладным пониманием развития как перехода к инновационной парадигме и прямолинейной попыткой отождествить регион и административное образование и таким образом «загнать» развитие в административные рамки.

Следующий геокультурный вызов содержательно связан с предыдущим. Он состоит в объективной необходимости введения иного понимания пространственной организации [22], отличного от традиционного для предшествующего исторического периода. На основании новых представлений осуществляется эффективное переструктурирование социокультурных пространств с выстраиванием территориальных композиций качественно нового порядка. Эволюция современных представлений о гуманитарной организации пространства и, соответственно, практическая регионалистика включают три содержательных этапа. На первом этапе культура, диалект, архитектура,

язык, образ жизни, дизайн коммуникации являлись основным критерием выделения локальных территориальных единиц. Культура рассматривалась как исторический материал и смыслообразующий признак отношения к территории. Второй этап связан с эффективным (инструментальным) использованием особенностей территории, ее исторического образа для достижения практических целей. Культура и гуманитарное наполнение стали ресурсами запуска социально-экономических процессов, за счет которых территории становились лидерами. Культурная специфика пространства активно использовалась для того, чтобы подчеркнуть его конкурентоспособный (социальный, инвестиционно-экономический, политический и пр.) потенциал. Культурная политика стала инструментом достижения внекультурных целей. Наконец, третий этап характеризуется выделением «ядерных зон» или ядер роста, обладающих высоким историческим и символическим потенциалом. На основе этих зон формируются лидерские группы, концентрируются механизмы управления, стягиваются функции и складываются центры принятия решений. В российской действительности общецивилизационный вызов, связанный с новым представлением о пространственной организации, оформляется в своеобразный национальный вызов. Социокультурная ситуация, связанная со «схлопыванием» функций выравнивания и развития территорий, задерживает отечественную прикладную регионалистику на первой фазе или стадии европейского опыта, т. е. в рамках представления о регионе как об историческом материале. Следующие шаги «пространственной логики» (использование регионального своеобразия в качестве инструмента достижения конкурентных целей и формирование новых центров силы и управления) не обсуждаются. Таким образом, фиксируется концептуальный управленческий тупик, а гуманитарная составляющая современного территориального развития в отечественных условиях оказывается невостребованной.

Вытекающий из предыдущего и развивающий его логику геокультурный вызов связан с необходимостью преодоления в национальном контексте такого значительного социокультурного разрыва, как утрата проектной функции или функции делания будущего [22]. Данная гуманитарная составляющая была в значительной степени угнетена в раннероссийский период. Проектность в постиндустриальной интерпретации имеет многообразие содержаний. В контексте регионалистики проектная функция в идеале состоит в отработке альтернативных моделей, различных сценариев пространственного развития, в выполнении регионом функции инструмента саморазвития и достижения качественно лучшего состояния, определяемого набором таких социокультурных факторов, как конкурентоспособность, социальная мощь, высокое качество жизни, благоприятная среда, качественный человеческий капитал. При этом сегодняшняя

практическая российская регионалистика сводится к соблюдению унифицированного стандарта и форме единообразного движения, т. е. к отсутствию проектности и попыток осуществления социокультурного прорыва.

Следующий вызов, конкретизирующий предыдущий, связан с потерей формы проектирования без аналогов, с отсутствием в недавнем российском историческом прошлом опыта больших масштабных проектов, наделяющих общество новыми энергиями и смыслами [22]. Подобные проекты относятся к системам социальной мобилизации, обеспечивающим связность общества. Разрушение таких систем представляет собой культурполитическую проблему, поскольку ее социокультурной основой является отсутствие или нечеткость национальной идентичности как системы отсчета внутри мирового социально-исторического контекста.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что на целый ряд постиндустриальных вызовов наиболее адекватные ответы могут быть предложены в рамках геокультурного подхода.

Ответы на вызовы как стратегические решения и их культурные основания

В историческом и цивилизационном контексте диалектику вызова и ответа подробно анализировал А.Дж.Тойнби [31]. Развивая его идеи, современные исследователи отмечают, что наиболее устойчивыми являются те виды социокультурных систем, в рамках которых возможна выработка адекватной и своевременной реакции на «вызов» любого рода, что неосуществимо вне рационально-критической познавательной и практической деятельности [12]. К таким видам социальных систем следует отнести геокультуры.

Философы и политологи аргументируют плодотворность применения диалектики вызова и ответа при разработке сценариев глобального политического прогнозирования. При этом предполагается, что такого типа сценарии, «с одной стороны, будут раскрывать конкретные будущие проявления вызова в разных областях бытия и формах социальной практики, с другой – разнообразные формы возможного ответа на этот вызов» [28, с.35–36]. Развивая предложенную систему обоснования, можно утверждать, что диалектика «вызов–ответ» может эффективно применяться при разработке социокультурных стратегий.

Поскольку «единство социокультурной природы вызовов и ответов состоит в том, что они представляют собой пассионарные всплески» [29], дихотомия «вызов–ответ» очевидным образом коррелирует с концепцией развития. А в силу того, что «решающее значение для формулировки ответа имеет интерпретация вызова стороной, которой он

получен» [28, с. 57], ответы на вызовы могут иметь различный характер: как симметричный (рациональный), так и несимметричный (иррациональный). В этом состоит связь типологии ответов с типологией постиндустриальных стратегий.

В целом реализация механизма «вызов–ответ» в социогуманитарной трактовке выглядит следующим образом.

Первый этап – анализ и интерпретация общего социокультурного содержания вызова

На данном этапе рассматриваются ценностные, социально-исторические, философско-мировоззренческие, теоретико-методологические и другие предпосылки [12] формирующихся в постсовременных условиях вызовов. Таким образом, речь идет об анализе фундаментальных социокультурных факторов.

Эксперты констатируют, что сегодня Россия стоит перед своего рода институциональным и культурным барьером, взяв который, она сможет достичь такой стратегической цели, как выход на уровень развития, близкий к уровню европейских стран. Что значит взять культурный барьер? В обществе преобладают призывы к неприкосновенности национальной культуры и самобытности, устранению помех в деле сохранения национальных традиций. Между тем представляется, что для преодоления культурного барьера необходимы определенные изменения в существующей культуре и сложившейся системе ценностей, что позволит России стать более продуктивной нацией. В нынешнем историческом контексте один из наиболее серьезных вызовов, стоящих перед Россией, состоит в том, что развитые страны значительно обогнали ее по такому основному параметру цивилизации, как инновационная культура. Таким образом, продуктивные стратегические ориентиры России связаны с модернизационным вариантом развития, основанном на преодолении культурного барьера и обеспечении культурных изменений [24].

Второй этап – выявление и фиксация конкретных параметров вызовов и угро.

Сущность данного этапа хорошо просматривается на примере разработки типологии постиндустриальных войн [30].

Типологизация войн XXI столетия основывается на гипотезе о том, что кровью постиндустриальной экономики станут люди, способные к коллективной мыследеятельности и работе на «фабриках мысли». В этой связи войны на постиндустриальной фазе будут вестись на психологическом уровне и сводиться к перевербовке или перекупке людей, способных к мыследеятельности. В варианте «горячих» операций речь будет идти об уничтожении индивидов или групп, которые не подвержены перевербовке и при этом выстраивают эффективную противоположную

стратегию. Подобный тип войн носит название «террора против фабрик мысли» и отражен в постиндустриальной литературе как одна из магистральных схем.

В институциональном дискурсе к постиндустриальному типу войн относят корпоративные или межинституциональные войны.

В антропологическом контексте речь может идти о консциентальных войнах или войнах против идентичности. Консциентальная война предполагает, что мир вступил в новый этап борьбы – этап тотальной конкуренции форм организации сознаний, где предметом поражения и уничтожения являются определенные типы сознаний. Они должны быть вытеснены за рамки цивилизационно допустимых и приемлемых форм. При этом уничтожение определенных типов сознания предполагает разрушение и переорганизацию общностей, которые конституируют данный тип сознания. Одним из основных способов поражения сознания в консциентальной борьбе является разрушение способов и форм идентификации личности по отношению к фиксированным общностям, приводящее к смене форм самоопределения и к деперсонализации [18].

Консциентальный тип войн связан с тем, что глобализация и интернационализация приводят к стиранию границ идентичности, к переформатированию существующей картины мира, к распространению идеи человека мира. В силу этих причин войны будут идти вокруг понятия идентичности. Поскольку идентичностей много, вызовом является конфликт структурообразующих типов идентичности, таких как этническая, конфессиональная, профессиональная, гражданская и т. д. Кроме того, перед каждым отдельным индивидом стоит вызов собственной идентичности, то есть реинтеграция существующей идентичности путем отказа от убеждений, навязанных ему социумом.

Осмысливая пример западной геокультуры (и США как центрального ее представителя), культурологи констатируют глобальную цель, которая состоит в устранении возможных вызовов на обозримый в перспективе исторический период и в ликвидации любых реальных и потенциальных центров силы, способных бросить вызов [19]. Альтернативное решение состоит в следующем. Национальные стратегии (в том числе, российская) могут основываться на сближении цивилизаций и геокультур в условиях глобальных вызовов. Речь идет о борьбе за собственную идентичность, за право на существование перед лицом механистических и технократических аспектов глобализации, ее унификаторского потенциала и принудительного распространения и насаждения псевдообщечеловеческих ценностей, позиционируемых как цивилизационный стандарт [13]. Таким образом, сближение геокультур основывается на диалоге как оппозиции радикализму во всех его формах.

Третий этап – учет конкретного вызова или комплекса вызовов в концепциях и доктринах развития различных сфер жизнедеятельности обществ.

В современной России в недоразвитом, атрофированном состоянии находятся те виды деятельности, которые называются постиндустриальными услугами (несырьевыми товарами и услугами, перспективными товарами). В социокультурном контексте к ним, прежде всего, относятся медийный сектор, сфера информационных, консалтинговых, дизайнерских, архитектурных и прочих услуг. Между тем уровень развития современных стран определяется тем, насколько сформирован именно постиндустриальный сектор услуг [20].

Беспрецедентный, с точки зрения существующего опыта иных современных цивилизаций, «длинный» вызов, важнейшая интеллектуальная задача России связана с необходимостью поиска новых эффективных форм организации жизнедеятельности общества (в целом) и отдельных его сфер (в частности) в условиях ограниченных ресурсов. Ответами на данный вызов служит проектирование новых общественных институтов (в том числе, новый взгляд на образование), инвестирование средств в функционирование человеческого капитала, привлечение эффективных субъектов конкретного вида деятельности и отказ от неэффективных, преодоление консерватизма традиционных социальных институтов методом культурной адаптации [27].

Особую важность приобретает учет постиндустриальных вызовов в образовательном аспекте. Так, авторы концепции «Русского мира» считают, что частью этого мегасообщества следует считать, в том числе, «тот геокультурный шлейф, который был создан в советские годы массовым обучением в вузах страны студентов из исламских стран». Соответственно, отмечается, что «такая образовательная стратегия была осознанной стратегией страны, активно влияющей на процессы формирования будущей элиты Третьего мира» [16].

Четвертый этап – учет конкретного вызова или комплекса вызовов в цивилизационной, национальной стратегии или стратегии геокультур.

Дополняя широкий список долгосрочных угроз и рисков, стоящих перед Россией, необходимо выделить три стратегические проблемы, которые могут серьезно помешать развитию или даже остановить его: это проблема человеческих ресурсов, проблема интеграции страны в мировую глобальную систему и современное состояние отечественных институтов, отражающее качественный уровень развития общества [20].

Вызов, связанный с человеческим потенциалом, заключается в следующем. В постиндустриальных условиях при экспертной оценке вклада разных типов ресурсов в создание общественного богатства выясняется, что для наиболее развитых стран

характерен превалирующий вклад нематериальных активов, связанных, прежде всего, с человеческим капиталом. При этом в России инвестиции человеческого фактора (физического капитала) в создание общественного блага и прирост добавленной стоимости составляют порядка 15%, что ниже, чем в беднейших странах мира [20].

Отдельные социокультурные особенности российского общества серьезно затрудняют возможности страны стать одним из глобальных лидеров в стратегической перспективе. Как показывают социологические исследования, жители России отличаются высокой инновационностью и энтузиазмом, склонностью к изменениям, готовностью к инновациям и экспериментам. Тем не менее амбиции и прожекты оказываются несоразмерными возможностям их реализации [20].

Серьезным вызовом для России является динамика ценностей глобального общества, как факторов неформальной мотивации деятельности. Результаты всемирного обследования ценностей свидетельствуют о том, что в процессе вступления государств в стадию постиндустриального развития происходит быстрая конвергенция ценностей их граждан независимо от изначального культурного бэкграунда. Усиливается сходство ценностных ориентаций, в том числе по отношению к индивидуальным свободам, самовыражению, религии, институтам государства и т. д. Имеет место восприятие ценностей современных развитых стран, первыми достигших постиндустриального этапа. В российской практике стратегическим ответом на аксиологический вызов, как представляется, станет постепенное приближение к ценностям, характерным для развитых стран: поддержка ценностей демократического общества и предъявление высоких запросов на модернизацию традиционных социальных институтов [20].

Существенным вызовом является тотальный кризис, связанный с неэффективностью традиционных немодернизированных социокультурных институтов в странах, преодолевающих мировую технологическую границу. Достижение постиндустриальной стадии развития с отсталыми институтами не представляется возможным. В этой связи необходимо формирование представлений о современных социальных институтах, способных очертить сферу принципиальных инноваций и обеспечить развитую инновационную инфраструктуру. Интерпретация идеи развития, в том числе как достижения институциональных и социальных изменений, тесным образом связана с обеспечением качественного улучшения состояния общественных институтов [20].

Пятый этап – формулировка адекватных инновационных ответов на вызовы либо качественная реформа традиционных систем (схем, подходов, институтов) как прикладная часть социокультурной стратегии.

Суть данного этапа можно проследить на следующем примере.

Значимый вызов представляет собой стремительно возрастающая сегодня скорость общественных изменений. В качестве вызовов предъявляется вся наличная проблематика глобальных, государственных и региональных изменений. В этой связи контекстом, обеспечивающим возможные варианты ответов на предъявляемые вызовы, видится *социализация*.

Текущая ситуация характеризуется возникновением новой структуры человеческого общежития, складыванием новых механизмов, нормативных систем и инфраструктур межкультурного взаимодействия, определением новых субъектов социокультурных отношений. В этих условиях акторы, способные занять стратегические позиции в перечисленных процессах, приобретают роль лидеров в цивилизационном контексте.

Необходимо отметить, что в постиндустриальных условиях понятие социализации утрачивает традиционное значение включения субъекта в уже существующую социальную машину. Качественная сдвигка заключается в ориентации на создание новых социальных систем. Нормой становится наличие нескольких конкурирующих образов будущего, предполагающее выбор. Как следствие, содержание понятия «социализация» составляет инсталляция приоритетного образа будущего в социум и проектирование социальной структуры под проект будущего [14].

Таким образом, стратегический подход к работе с постиндустриальными вызовами обеспечивает соразмерный их содержанию инструментарий. Параметры и характеристики геокультуры, осмысленные в стратегическом аспекте и соотнесенные с проблематикой «вызовов», позволяют наметить наиболее реальные и жизнеспособные решения – «стратегические ответы». Восприятие и анализ актуальных вызовов в социогуманитарном контексте дает возможность формулирования ответов, не только эффективных в своей технологичности, но, прежде всего, подкрепленных основаниями культурно-ценностного характера.

Список литературы

1. Ages, Generations and the Social Contract: The Demographic Challenges Facing the Welfare State. – Springer, 2007.
2. Corbit Brian J., Nabeel A. Y. Al-Qirim. E-Business, E-Government & Small and Medium Size Enterprises: Opportunities & Challenges. – 2004.

3. Changing Administration – Changing Society: Challenges for Current Social Policy /Applied Social Studies: Recent Developments, International and Comparative Perspectives Series). – 2006.
4. Environmental Values In A Globalizing World: Nature, Justice And Governance / Challenges of Globalisation. – 2005.
5. Global Governance of Food Production and Consumption: Issues and Challenges. – 2007.
6. Globalization And Governance / Essays On The Challenges For Small States. – 2004.
7. Making Globalization Good: The Moral Challenges of Global Capitalism. – 2003.
8. Modern Public Information Technology Systems: Issues and Challenges. – 2007.
9. *Schuurman F.J.* Globalization and Development Studies: Challenges for the 21st Century. – Sage Publications Ltd, 2001.
10. Social Perception: 21st Century Issues and Challenges. – 2008.
11. The Human Sustainable City: Challenges and Perspectives from the Habitat Agenda. – 2004.
12. *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского.– М., 1997. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:
http://www.philosophy.ru/iphras/library/bajov_danil.html
13. *Белковский С.А.* Новый халифат. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.echo.msk.ru/programs/proverka/43906>
14. *Верховский Н.С.* // Архив Школы культурной политики. Семейная игра 2002 года. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www-old.shkp.ru/cgi/ubb/ultimatebb.cgi?ubb=get_topic&f=3&t=000034
15. *Владимирский Б.М.* Мысли об иррациональном и рациональном в современной культуре, или что делать астрофизикам с астрологией? – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:
http://crydee.sai.msu.ru/Universe_and_us/4num/v4pap4.htm.
16. *Градировский С.Н.* Культурное пограничье: русский ислам. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novye-identichnosti/islam/cultural-bound
17. *Григорьев Л.М., Аузан А.А., Афонцев С.А., Гонтмахер Е.Ш.* и др. Коалиции для будущего. Стратегии развития России в 2008–2016 гг. – М., 2007.
18. *Громыко Ю.В.* Оружие, поражающее сознание, – что это такое? – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dataforce.ru/~metuniv/consor/grom0.htm>

19. *Джемаль Г.Д.* От распада СССР к распаду России. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/36441>
20. *Дмитриев М.Э.* Россия 2020: долгосрочные вызовы развития. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2007/12/21/dmitriev.html>.
21. *Дугин А.Г.* Новый халифат. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/proverka/43906>
22. *Зуев С.Э.* Культуры регионального развития. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/04/03/regiony.html>
23. *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. – М.: Экономика, 2003.
24. Как строить модернизационную стратегию России? – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/18/sigma.htm>
25. *Марача В.Г.* Кнехты мышления на границе Касталии, или об одном опыте построения технологии методологически ориентированного образования / Школа и открытое образование. – Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научной тьюторской конференции и региональных семинаров. – Москва-Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1999.
26. *Марача В.Г.* Региональное стратегирование как метод повышения эффективности государственного управления региональным развитием в Российской Федерации / Сб. трудов Института системного анализа Российской академии наук / Под ред. Б.В. Сазонова. – М.: Едиториал УРСС, 2008.
27. *Мау В.А.* Налоги и золотая орда. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/dozor/50268>
28. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000.
29. *Переслегин С.Б.* Основания геополитических и геоэкономических подходов к практике управления. Курс лекций. – М.: МВШСЭН, 2007.
30. *Переслегин С.Б.* Постиндустриальный стратегический менеджмент в контексте социокультурных трансформаций / Курс лекций. – М.: МВШСЭН, 2004.
31. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. – М., Директмедиа Паблишинг, 2007.